

УДК 930.23

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ С НОГАЙСКОЙ ОРДОЙ В ГОДЫ РЕГЕНТСТВА ЕЛЕНЫ ГЛИНСКОЙ И БОЯРСКОГО ПРАВЛЕНИЯ (1534–1541 гг.)

© 2015 г. М.В. Мусеев

Статья посвящена рассмотрению истории русско-ногайских отношений периода политического кризиса в Русском государстве. Показано как бий Саид-Ахмад попытался добиться от окружения малолетнего великого князя Ивана IV признания своего равенства с крымскими ханами. Однако русская дипломатия этого времени успешно преодолела ряд негативных тенденций в русско-ногайских отношениях. В это время проявилась и зависимость геополитической ориентации ногайских мирз от территорий кочевания. Так, мирзы западного крыла Ногайской Орды изъявили желание на приоритетные отношения с Россией. В обмен на это они были готовы противодействовать антирусским действиям Крымского ханства и своего бия. Однако говорить об ориентации на Русское государство преждевременно. Вместе с тем, интерес мирз западного крыла к развитию дружественных отношений с Россией позволил великокняжеским дипломатам более решительно противостоять притязаниям бия Саид-Ахмада. Главным выводом работы стало то, что дипломатия правительства Елены Глинской и периода боярского правления смогла достичь сохранения итогов русско-ногайских отношений конца XV – 1-ой трети XVI веков. Одновременно сложились условия активизации своей политики в Поволжье, основанные на заинтересованности мирз правого крыла Ногайской Орды в союзных отношениях с Москвой.

Ключевые слова: русско-ногайские отношения, восточная политика России, «поминки», шерть, князь Семен Бельский, шертные грамоты, Касимов, касимовские татары, мешчерские казаки, полон.

Смерть Василия III и вступление на престол малолетнего Ивана привели к политическому кризису, обусловленному малолетством великого князя, однако это не привело к парализации органов власти (Кром, 1998, с. 13–15). На внешнеполитическом фронте главной задачей стало урегулирование конфликтов, возникших ранее, и укрепление достигнутых успехов. Особенно отчетливо это видно на материалах русско-ногайских отношений.

25 января 1534 г. в Ногайскую орду был отпущен гонец Саид-Ахмад-бия Батрак (приехал в Россию 4 декабря 1533 г. (ПКСРНО, с. 86)), вместе с ним в Ногайскую Орду отправили гонца Алиша Бахметева (Там же). В грамотах содержалось уведомление о восшествии на престол Ивана Васильевича и предложение ногайским бию и мирзам сохранить союзные отношения как это было при Василии III (ПКСРНО, с. 86–87, 88, 89–90). Одновременно дипломаты Ивана акцентировали внимание на возрождении мирных отношений, нарушенных ранее. Так, в грамоте Саид-Ахмаду-бию излагались претензии русской стороны к ногаям: нападение на Касимов (ПКСРНО, с. 87). Упоминались и «речи ... недобрые меж отца нашего великого князя Василья и тобя (Саид-Ахмад бия – М.М.)». В связи с этим предлагалось «...тем бы делом всем прежним и нынешним дерть (то есть забвение – М.М.)» «учинить на обе стороны» (Там же). Развивалась идея о пресечении взаимных конфликтов и свободной торговли, на условиях договоренностей 1507–1508 гг. (ПКСРНО, с.87, 89, 90).

27 июля 1534 г. из Ногайской Орды вернулся А. Бахметев с товарищами. Он сообщил о движении послов от Саид-Ахмад-бия и мирз. Численность посольства А. Бахметев определял в 500 человек «и с людьми». Кошум, Урак и Келмагмет мирзы послов своих не послали, так как именно их люди напали на «Мещерские места» в 1532 г. С послами ехало 5 000 гостей, гнавших на продажу около 50 000 коней (ПКСРНО, с. 91). На встречу столь многочисленного ногайского посольства направили «в ясельничего место» Д.Д. Загряжского, Р. Тургенева, В. Ларивонова. Для охраны послали И.Д. Шеина, Т. Хлуденева, Ю. Кокошкина. От Рязани до Коломны ногаев провожали князь С.И. Пуньков и Ф. Денисьев (ПКСРНО, с. 91–92). К Москве посольство добралось 5 августа 1534 г. На Всполье ногаев встречал «в ясельничего место» И. Тургенев, на подворье с едой послали сына казначея П. Головина – В.П. Головина (ПКСРНО, с. 92). Через пять дней после прибытия в Москву ногайские послы были на дворе у Ивана Васильевича (Там же).

В грамотах Саид-Ахмад-бия содержалась развернутая картина претензий ногайской стороны к Русскому государству. Бий подчеркивал, что имевшую место «роту» порушил Василий III, когда как ногаи к этому не причастны (ПКСРНО, с. 92). Острые критики русской позиции Саид-Ахмад

направлял на деятельность «мещерских казаков». По его словам, Василий III ежегодно посылал их, а они угоняли у ногаев коней тысячами (Там же). Мещерские казаки парализовали ногайско-казанскую торговлю. Бий описывал три эпизода, самым существенным из которых было ограбление каравана Барак-батыра. Караван состоял из 60 человек и вез товара на 200 000 московских денег, 400 коней и 1000 овец. При нападении четверо торговцев погибло, двое пленено, а все имущество было захвачено. Саид-Ахмад-бий требовал все это вернуть (ПКСРНО, с. 92–93, 94). Центральным местом посланий правителя Ногайской Орды стало требование изменения статуса русско-ногайских отношений и системы отправления и распределения «поминков», связанной с изменением внутренней структуры Ногайской Орды (ПКСРНО, с. 93, 94). При изложении структурных изменений Саид-Ахмад бий использовал крымские аналогии. Это можно объяснить, с одной стороны, тем, что они могли быть поняты в Москве, с другой, видимо, прожив некоторое время в Крымском ханстве, ногайская элита вполне усвоила крымский политический язык, который использовала при описании изменений во внутренней жизни своего государства, еще не выработав собственной терминологии. Претензии на изменение статуса русско-ногайских отношений проявились, прежде всего в именовании Ивана Васильевича «сыном»: «Сыну моему Ивану князю слово наше то», – так начинал одну из грамот Саид-Ахмад-бий (ПКСРНО, с. 94). Структурные изменения, как говорилось выше, излагались крымской политической терминологией. В грамоте Саид-Ахмада, его брат Мамай-мирза называется калгой (Там же) и ему следовало отсылать столько же кун, что и крымскому калге, а Шейх-Мамаю, столько же, что и Али-султану (ПКСРНО, с. 93).

Мамай-мирза, активный участник событий 1515(?)–1523 г., один из инициаторов крымской бойни в Хаджи-Тархане, тесть казанского хана Сафа-Гирея подробно излагал в своем послании причины его вражды с Русским государством. Мамай возлагал вину за конфликт между Русским государством и Ногайской Ордой на Василия III (ПКСРНО, с. 95–96). Исходя из посланий ногайских аристократов ясно, что лидером антирусской группы в Ногайской Орде в то время выступал Мамай-мирза. Он сам откровенно пишет об этом (ПКСРНО, с. 96), противниками же эскалации конфликта оказался Саид-Ахмад-бий и Шейх-Мамай (ПКСРНО, с. 94, 96, 97). Степные политики, а именно Саид-Ахмад, полагали, что малолетний Иван Васильевич окажется более уступчивым, чем его отец. Бий указывал Мамаю на сложное внешнеполитическое положение Русского государства: «...многово деи хрестьянства новой (т.е. Иван IV – М.М.) государь, oprичь ему нас брата нет». В подтверждение этого Саид-Ахмад рисовал картину враждебного окружения России, где главенствующая роль отводилась Великому княжеству Литовскому и Крымскому ханству (ПКСРНО, с. 96). Эти доводы охладили воинственный пыл Мамаю. Слова же гонца А. Бахметева, что великий князь «...хочет казну свою руштити, а вам поминки посылати по вашему прошенью: пансыри крепкие, да белые горностаи и черные соболи в головах», убедили Мамаю, что Иван IV вновь стал «на своей правде» (Там же).

Таким образом, замораживание русско-ногайского конфликта стало следствием осознания сложности внешнеполитического положения Русского государства и ожиданием значительно большей уступчивости, в следствие этого, московских политиков как в вопросах финансовых, так и политических.

Посол Саид-Ахмад-бия карачи Кудояр при аудиенции у великого князя сообщил, что у него есть к нему речи бия. Иван Васильевич велел идти ногайским послам в Набережную палату, где переговоры с ними начали опытные дипломаты Василия III Ф.И. Карпов, дьяки М. Путятин и Ф. Мишури (ПКСРНО, с. 98). Кудояр вновь подчеркнул роль Саид-Ахмада в замораживании конфликта и потребовал вернуть все «грабежи», бывшие при Василии III. Ф. И. Карпов акцентировал внимание послов на необходимости учинить дерть для нормального функционирования русско-ногайских отношений (ПКСРНО, с. 98).

Переговоры продолжились 19 сентября 1534 г. С русской стороны вновь присутствовали Ф.И. Карпов, дьяки М. Путятин и Ф. Мишури. Русская сторона подчеркивала необходимость всем бранным делам, имевшим место ранее, «управа учинити». Процесс урегулирования должен быть обоюдным, после чего можно возобновить прежние договоренности (ПКСРНО, с. 99–100). Роль Саид-Ахмад-бия в пресечении агрессивных намерений его родни расценивалась как дружественная служба великому князю. Переговорщики подчеркивали, что делает он то «гораздо» и за это к нему русская сторона «...добро свое и свыше хотим держати» (ПКСРНО, с. 100). Судьба плененных ногаев так же нашла отражение в ответной речи московских дипломатов. Первоначально они размещались в Москве и Касимове. Те, что были пленены ранеными умерли, выжившие же оказались разосланными по разным дальним городам. Правительство Е. Глинской велело их розыскать, и тех,

что найдут – велело отдать бию. Главным объектом розыска стал Касимов, где, вероятно, концентрировалось наибольшее количество плененных ногаев (Там же.).

В заключение переговоровщики объявили ногайским послам отпуск и сообщили о посылке к Саид-Ахмад-бию «доброе боярина» (Там же). Кудояр, выслушав речи, вновь акцентировал внимание русских дипломатов на необходимость возместить убытки, нанесенные ногаем касимовскими татарами (Там же.). Ф.И. Карпов «с товарищи» обратили внимание посла, что нападения на ногаев отнюдь не односторонни. Сами ногаи совершили опустошительные набеги на «Мещерские украины» перед заболеванием Василия III и летом 1534 г. стояли под Касимовым, жгли посады и села, убивали людей, уводили в полон и грабили имущество. Только предание этих дел забвению (т. е. дерти) позволит нормализовать русско-ногайские отношения. Возместить ущерб, по мнению русских дипломатов, не сможет ни ногайская сторона, ни русская, более того, в конфликте принимали участие не только подданные великого князя, но и казанцы, астраханцы. Те же городецкие казаки, «лихо учинив», к великому князю не едут. Заканчивали же речь риторическим вопросом: «Ино как то сыскати, что у княжих людей взято?» (ПКСРНО, с. 100–101). После прений по этому вопросу переговоривающиеся стороны решили все-таки учинить «всем делом предним дерть» (ПКСРНО, с. 101). Ф. И. Карпов после этого спросил готов ли он, дать Ивану IV «правду» и «посла государя нашего себе в руки взяти» (Там же). Кудояр уклонился от скорого ответа, взяв тайм-аут на размышления над русскими предложениями (Там же).

24 сентября 1534 г. состоялся заключительный раунд русско-ногайских переговоров (Там же). В этот раз Ф. И. Карпов «с товарищи» начали с вопросов торговли. Решение на просьбу ногайских аристократов не брать с их купцов пошлин (ПКСРНО, с. 97), русские дипломаты обещали дать решение позже (ПКСРНО, с. 101). Вместе с тем русская сторона обещала найти пропавших лошадей и вернуть их ногаем. Указывалось, что, и сами ногаи допускают бесчинства около города и по селам. Впредь переговорщики рекомендовали не посылать столь большого посольства и каравана (ПКСРНО, с. 101 – 102). Затем подчеркивалась необходимость «учинения дерти», а после и нового шертования, а так же требовались гарантии безопасности для русского посла отсылаемого в Ногайскую Орду (ПКСРНО, с. 102). Кудояр вновь повторил требование возмещения убытков понесенных ногаем от касимовских татар, особо отметив, что на выполнении именно этого требования дал правду А. Бахметев (Там же). Русские переговорщики ответили этот довод карачи Кудояра. Они отметили, что А. Бахметев не имел подобных полномочий, находившийся здесь же Бахметев подтвердил их слова, указав, что «...князю (бий – М.М.) дал правду на том, что послом их ко государю идти добровольно, а на ином правды не допытывал». После этого Кудояр смирился и на шертной записи дал присягу (Там же.).

Шерть 1534 г. отличается определенным своеобразием от последующих шертей в русско-ногайских отношениях. Во-первых, собственно шерть предваряется «дертью», после чего следует традиционная клаузула о дружбе и военном сотрудничестве (ПКСРНО, с. 103). При чем пункт о военном сотрудничестве претерпел заметные изменения. Так, оговаривалось условие не только по призыву великого князя ходить на недругов России, но и самостоятельно мешать противнику при его наступлении на русские украины (ПКСРНО, с. 103–104). Включен был пункт о безопасном (от ногаев) следовании русских послов и купцов Полем, по Волге и Дону (ПКСРНО, с. 104). На правящую элиту орды возлагалась ответственность за розыск и возмещение убытков, которые могли понести русские послы и купцы от возможных нападений ногаев (Там же). В завершение на ногайских аристократов возлагалась ответственность в сохранении в безопасности русских украин при близкой прикочевке к ним ногайских улусов (ПКСРНО, с. 105). Дополнительно и послы ногайского бия и мирз обязывались хранить русского посла Д. Губина в безопасности (Там же). В первые в шерть был включен пункт о безопасности русских купцов в Ногайской Орде (Там же).

Только после присяги (шертования) ногайские послы «били челом о торгу». Просьба их была удовлетворена. Для охраны «на базаре» находились воеводы Ф.М. Нагой, Ф.Г. Овчин-Плещеев и Иван Вороно (ПКСРНО, с. 105–106). Купцы исторговались быстрее, чем бийский посол Кудояр выполнил свои дела (поотделался), поэтому бояре приняли решение отпустить их раньше послов (ПКСРНО, с. 106). 30 сентября 1534 г. ногайские послы с русским послом коломенским (ПСРЛ, т. 13, с. 85) сыном боярским Д.И. Губиным были отпущены. В грамотах отправленных Саид-Ахмад-бию и мирзам Мамаю, Шейх-Мамаю, Юсуфу и Исмаилу содержался настойчивый призыв к нормализации русско-ногайских отношений, посольскому и торговому обмену на принципах сформулированных в ходе отношений 1507–1508 гг. (ПКСРНО, с. 106–109).

Главной задачей Д.И. Губина являлось добиться шертования ногайской знати. Для этого бий, после его приезда, должен был объединиться «с своею братьею и з детми и со всеми мырзами» перед послом принести присягу на шерти (ПКСРНО, с. 109–110). В детально разработанной инструкции («памяти») послу содержались правила проведения миссии и узловые проблемы, решения и выяснения которых добивался посол в ходе пребывания в орде. Так, строго запрещалось Д.И. Губину платить пошлины (ПКСРНО, с. 110, 111). Программа визита Д.И. Губина в Ногайскую Орду выглядела следующим образом: сначала в улус к Саид-Ахмад-бию, а после в улусы к мирзам Шейх-Мамаю, Мамаю, Юсуфу и Исмаилу и их женам, к которым посланы «поминки» (ПКСРНО, с. 111). При этом к другим мирзам ездить запрещалось (ПКСРНО, с. 112).

Д.И. Губин должен был настаивать на забвении прежних конфликтов. При несогласии ногаев с этим пунктом, особо подчеркивалось, что и сами они «много лиха учинили». Убивали и полонили людей великого князя, стояли под городами и жгли посады. Если ногаи «дерти тому» не учинят, то как дружбе быть? Великокняжеские дипломаты сознательно расширяли состав возможных обидчиков ногаев, включая в него крымцев, астраханцев, азовцев и казанцев, тем самым минимизируя долю участия в этих конфликтах своих подданных – касимовцев. Участие касимовцев представлялось как естественное наличие среди людей «лихих» и как следствие русское правительство снимало с себя ответственность за эти происшествия. Вместе с тем обращалось внимание на то, что еще Василий III возместил ногаям убытки из того, что было найдено в ходе розыска. Ныне же этого сделать невозможно ввиду отсутствия самих преступников. Заключая этот пассаж, Д.И. Губин должен был подчеркнуть, что при повторении столкновений необходима «управа ... на обе стороны» (ПКСРНО, с. 112–113).

В вопросе шертования Д.И. Губин должен был строго следовать тому варианту шерти, что ему дали и не позволять что-либо прибавлять (ПКСРНО, с. 114–115). Если же ногаи оставят его зимовать у себя, то посол должен наладить сообщение информации в Москву «чтобы князь велики безвестен не был» (ПКСРНО, с. 115). Особо интересовало великокняжескую администрацию наличие ногайско-казанских отношений (Там же). В Москве хотели знать дал ли Юсуф свою дочь за Джан-Али (ПКСРНО, с. 116). В задачи посла входило так же выяснение состояния дел в самой Ногайской Орде, ее отношения с Астраханским, Крымским и Казахским ханствами (Там же).

Д.И. Губину вменили в обязанность и разрешение конфликта возникшего в то время, когда он с ногайскими послами находился в Русском государстве. Ногайские купцы, отпущенные ранее, совершили нападения в начале октября 1534 г. на рязанские деревни, располагавшиеся за рекой Проней. Ногаи угнали в полон 200 человек, 300 лошадей, рогатого скота около 500 голов, а так же «рухляди безчисленно много взяли» (ПКСРНО, с. 119–120, 123). Подобная миссия возлагалась и ногайского посла Кудояра (ПКСРНО, с. 122). При этом русская сторона старалась избежать военного столкновения. Отряд И. В. Селиванова должен был лишь контролировать ситуацию на пограничье (ПКСРНО, с. 120).

2 мая 1535 г. в Москву от Д. И. Губина прибыл вожа касимовский татарин Джан-Булат, привезший отписку посла. От него стало известно о посылке Саид-Ахмад-бием в Россию гонцом карадувана (ПКСРНО, с. 123, 124).

19 ноября 1534 г. послы достигли ногайских улусов (ПКСРНО, с. 124). Послы Мамаю-мирзы, Исмаила-мирзы «и всех мелких мырз» стали требовать выдачи им поминков, посланных их господам. Д.И. Губин отказался, ссылаясь на то, что раздача производится в ставке бия. Русский посланник попробовал найти защиту у Кудояра, однако он бежал. Ногаи набросились на русское посольство: отобрали коней и разрезали «кипы», в которых везли дары для ногайской аристократии. Они хотели съечь посольские грамоты и растащили поминки. Д. И. Губину удалось сохранить дары, везшиеся в «явь» и «тай» для Саид-Ахмад-бия, Шейх-Мамаю, Юсуфа и Мамаю. Ногаи объясняли свое поведение возможностью захвата даров бием. Закончив захват имущества, ногаи бросили русское посольство в степи, взяв у него 7 лучших коней. Д. И. Губину с сопровождением пришлось догонять Кудояра. Догнав его, они продолжили свой путь в условиях спешки. Бийский посол разъяснил русскому посланнику ситуацию. По его словам обо всем знает Саид-Ахмад-бий, но он им не поможет. Бежал же Кудояр из-за угрозы для собственной жизни. Вместе с тем он обещал служить великому князю, о чем дал шерть в Москве (Там же).

Д.И. Губин отправил сообщение в Москву о возможных набегах на границы ногайских мирз после того как они установят свои эли на зимовье на Волге у Переволоки (ПКСРНО, с. 124–125). По пути послов преследовали требования выдачи поминков. Получая отказ, ногаи силой забирали дары, причитавшиеся их господам (ПКСРНО, с. 125). Уже прибыв к кочевью бия, посольство оса-

ждали требованиями выплатить пошлины. Следуя требованиям великокняжеского правительства, Д.И. Губин решительно отказывался (ПКСРНО, с. 125–126). Впрочем, это не останавливало пошлинников, и они силой отбирали имущество. В итоге у посла ни чего не осталось (ПКСРНО, с. 126).

3 февраля 1535 г. состоялась встреча Д. И. Губина и Саид-Ахмад-бия. Как таковых переговоров не состоялось. Бий выслушал речи посланника, после распорядился подать ему питье, отметив при этом, что сам не подает, так как «злобитца» на великого князя (ПКСРНО, с. 126).

Позднее Д.И. Губин узнал о готовящейся отправке ногайского гонца в Русское государство. Русского посла вызвали к бию, но на корныш не пустили. К Д. И. Губину послали с речами Теку-дувана и Ходжи-Девлета. Ногайские представители вновь озвучили претензии к деятельности касимовцев. Они потребовали возвращения бийской казны, полона и выдачи в Ногайскую Орду повинных в грабеже. Переговорщики озвучили требования изменения суммы и структуры поминков. Бий явно выразил свои претензии на равенство с крымскими ханами (ПКСРНО, с. 126–127).

При невыполнении своих требований ногаи угрожали начать войну против Русского государства. В ряду недружественных действий можно рассматривать отказ ногаев от присяги на шерти. Кара-дуван заявил, что бийский посол Кудояр-бек сам отказался взять освобожденный полон. Разгневанный бий наложил на него опалу (ПКСРНО, с. 127).

По-прежнему ногаям угрожали казахи, теперь уже в союзе с калмаками. Для предупреждения нападения на зиму по р. Эмбе выставлялись заставы. Мирзы западного крыла орды пошли походом на черкес (ПКСРНО, с. 128). Напряженные отношения сложились у ногаев с Астраханским ханством. По сообщению крымского перебежчика Баки-бека мангыта Ислам-Гирей-султан объединился с астраханцами против Ногайской Орды. Ногаи не вполне поверили этому сообщению, но послали посольство в Астрахань и взяли аманатов («взяли с собою шертью»), которые весной 1535 г. прибыли на ногайскую сторону Волги. Впрочем, несмотря на дипломатический диалог, стороны не верили друг другу. В Астрахани опасались, что ногаи хотят захватить город обманом (ПКСРНО, с. 128). Отношения с Казанским ханством стабилизировались. Юсуф-мирза выдал свою дочь за Джан-Али. Саид-Ахмад-бий декларировал свою поддержку новому казанскому хану. Он заявил казанским послам, что в случае изгнания Джан-Али, ногаи выступят против них вместе с Русским государством. Инициатором этого заявления, по данным Д.И. Губина, выступил Юсуф-мирза (ПКСРНО, с. 128–129; Беляков, Моисеев, 2004, с. 32–44). Д.И. Губин сообщал о турецком посольстве в Ногайскую Орду. Ногаи сообщали, что турки воюют с Иранским государством. Русский посланник информировал Москву о посылке Саид-Ахмад-бием своего посла Алчу к своему зятю Сахиб-Гирей-хану. Суть этого посольства, правда, для дипломата осталась неизвестной (ПКСРНО, с. 129).

Теку-дуван (чиновник, ведавший сбором пошлин) объявил Д.И. Губину о своей готовности верно служить великому князю. Он рекомендовал не потакать требованиям бия, а писать грамоты и посылать поминки по-прежнему. В награду бийский чиновник просил прислать в «тай» жалованье. Объяснялось это тем, что он выдает свою дочь замуж и теперь ему «нужно государево жалованье». Д. И. Губин советовал принять предложения теку-дувана, так как он «...временной человек и к нам, государь, его в твоих делах береженья много» (ПКСРНО, с. 129).

23 мая 1535 г. в Москву прибыл посол бия Зиен-суфа кара-дуван. 27 мая ему велели быть на дворе. Великий князь звал посла карашиваться, подал меду «в стола место». На Ногайский двор послали еду и мед (ПКСРНО, с. 130–131).

Саид-Ахмад-бий в грамоте вновь подчеркивал виновность Василия III в охлаждении русско-ногайских отношений. Главным негативным аспектом русской восточной политики он считал использование касимовских татар. «Дертъ» всем прежним делам, на чем настаивала русская сторона, возможна, только после возмещения убытков понесенных бием, что составляло по его оценке 200 000 «алтын кун». Саид-Ахмад-бий развивал свои экономические требования. Он огласил свои претензии на «взимок» своего предка эмир ал-умара (беклярбека) Эдиге в 100 000 алтын, а так же – Мухаммед-Гирей-хана в 60 000 алтын. Саид-Ахмад претендовал и на часть «выхода» некогда платившегося Русью в Большую Орду. («От кольких лет после царя, которые куны давал ему еси, тех забыл еси. И Бог тот юрт нам дал, и тот взимок нам дашь: двесте тысяч алтын кун»). При отказе или прениях по этому вопросу со стороны русских представителей Саид-Ахмад-бий угрожал походом «перед осенью» (ПКСРНО, с. 131).

Дабы подчеркнуть свое величие и серьезность своих угроз бий рисует свое внешнеполитическое положение как крайне благоприятное. Ему де повинились «Тимир Кутлуевы царевы дети», то

есть Астраханское ханство, признал вассалитет и некий «Иваков царев сын». Казахский хан Ходжи-Мухаммед с 15 сыновьями живет в Ногайской Орде. Саид-Ахмад-бию якобы подчиняются 300 000 казахов (ПКСРНО, с. 131).

Бий требовал отпустить своих послов через 15 дней после их прибытия. Освобождения полона и имущества захваченного касимовцами. Грамота Саид-Ахмад-бия заканчивалась датировкой и указанием места написания «в счастливом Сарае» (ПКСРНО, с. 131), что было свойственно дипломатике крымских грамот, но не ногайских (РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 1. Л. 114об., 129, 150об., 159об., 176 об. Ср.: ПК. С. 28, 34–35, 39, 52–53). Так же примечательно использование в титуляции посланий бия формулы «сёзюм», свойственной ханским грамотам. В переводе это передавалось как «слово» (ПКСРНО, с. 130, 164) тогда как бии и мирзы «били челом» либо использовали выражение «много много поклон» (Трепавлов, 2002, с. 192, прим. 6). Это находится в одном ряду с имущественными претензиями и ярко характеризует стремление Саид-Ахмад-бия обладать ханским титулом.

2 июня 1535 г. ногайский посол в сопровождении русского гонца Джан-Пулада покинул Москву (ПКСРНО, с. 132). Русские власти дали резкую отповедь притязаниям Саид-Ахмад-бия. О тоне грамоты московские дипломаты отзывались как нарушавшей сложившуюся практику переписки: «... в грамоте своей к нам писал еси к нам непригожу, не нам срам, больше к своему непригодству...». Русская сторона решительно отметила свое следование той практике отношений, которая сложилась ранее. Дипломаты настаивали на шертовании ногайской знати, отпуске Д.И. Губина с большим ногайским послом и разрешении бия ездить ногайским купцам в Россию с торгом (ПКСРНО, с. 132). Столь жесткая позиция, занятая Москвой, очевидно, базировалась на информации данной Д.И. Губиным, который, рисовал картину международного положения орды явно отличавшуюся от презентации Саид-Ахмад-бия (Трепавлов, 2002, с. 189–190).

В конце лета 1535 г. в Москве стало известно о готовящемся набеге крымских султанов. Исходя из известий Д.И. Губина о ногайских заставах против крымцев, русские дипломаты решили привлечь к антикрымским мероприятиям ногайских мирз, кочевавших по Волге. Они призывали ногаев крымскому хану и султанам в случае похода на Русское государство «помешку чинить» (ПКСРНО, с. 133–134).

26 сентября 1535 г. из Ногайской Орды прибыли гонцы от Д. И. Губина, сообщившие о посылке в Русское государство Саид-Ахмад-бием своего гонца (ПКСРНО, с. 145). Новая отписка русского посла оказалась еще более информативной, чем предыдущая. Д. И. Губин сообщал о серьезных внешне- и внутривосточных затруднениях Саид-Ахмада. В Хаджи-Тархан отъехали представители Ямгурчиевичей: Алач б. Ямгурчи с сыном Айваном, Сары б. Агиш, Кольват-мирза, Сююнч-Али-мирза. Напряжения в ногайско-хаджитарханских отношениях не сняло даже прибытия к Саид-Ахмаду посла Танабай-дувана. По словам Д.И. Губина, бий всю весну и лето «от них бережетца» (ПКСРНО, с. 146). Опасения Саид-Ахмада подтвердились. 31 мая 1535 г. на Сарайчук напали «Агишевы дети» и два хаджитарханских султана. Город оказался пуст, так как население его покинуло ранее. Войско устремилось в погоню, но его встретил Шейх-Мамай-мирза. Противостояние казахов с ханами Хорезма, Мавераннахра и Могольского государства затруднило отношения с ними ногаев. Убейдулла-хан запретил продавать ногаям оружие и «всякое железо», что Д.И. Губин расценивал как враждебное проявление. Однако вассал Убейдуллы Кистин-Кары сватался к дочери Саид-Ахмада (ПКСРНО, с. 146). Посол Кистин-Кары предупреждал ногаев о возможности нападения казахов. Д.И. Губин оценивал силы казахов как весьма значительные.

Первыми силу казахов испытали на себе ташкентские султаны, разбитые ими в двух сражениях. Поэтому представляется верным заключение В.В. Трепавлова, что запрет на продажу оружия ногаям диктовался не враждебностью, а осторожностью бухарских правителей, что бы оно не попало в руки врагов-казахов (Трепавлов, 2002, с. 203). Подтверждением этого может служить и то, что бухарско-ногайские торговые отношения не прерывались: 13 июня Саид-Ахмад-бий отправил в Казань своего посла Барака, с ним же поехали бухарские и ногайские купцы (ПКСРНО, с. 150–151).

Ташкентский правитель Барак б. Сююнч-Ходжи под влиянием поражения и опасения, что летом или зимой казахи захватят город, прислал к Саид-Ахмад-бию посольство с просьбой о помощи (ПКСРНО, с. 149). В орде бытовало мнение, что только благодаря борьбе с Ташкентом казахи не начали войны с ногаями (Там же).

В целом, Ногайская Орда, благодаря антиказахской направленности своей восточной политики, логично вписывалась в коалицию среднеазиатских государств созданную могольским ханом Абд ар-Рахманом (Акимушкин, 2004, с. 216–220; Трепавлов, 2002, с. 204–205). Известная успеш-

ность Ногайской Орды на востоке, мало сказывалась на отношениях с западными государствами. Серьезным противником стал Хаджи-Тархан, длительное время находившийся в зависимости от ногаев (Зайцев, 2004, с. 63–64). Саид-Ахмад попытался связаться посольством со своим зятем Сахиб-Гиреем, но хаджитарханцы посла бия не пропустили (ПКСРНО, с. 147).

Однако главной проблемой Ногайской Орды стали внутривосточные затруднения, связанные с изменениями в самой орде. Последовательные изменения в управлении ордой (создание крыльевого деления, со своей структурой управления, появление в ставке бия придворного персонала) (Трепавлов, 2002, с. 190–197), сопровождались кристаллизацией состава управленческой элиты внутри самого «Эдигу уругу мангыт». Жертвой этого процесса стало семейство брата Мусыбия – Ямгурчи-бия. Не согласные с этим откочевали в Хаджи-Тархан и стали постоянной угрозой для Саид-Ахмад-бия (ПКСРНО, с. 146, 149). У бия осталось только 9 мирз «Агишевой семьи» (ПКСРНО, с. 149). Претензии бия на ханский титул вызвали весьма широкою оппозицию и внутри Ногайской Орды: от теку-дувана (ПКСРНО, с. 129) и карачи (ПКСРНО, с. 151) до мирз Шейх-Мамай и Исмаила, «вытравивших» все кочевье бия и его улуса (Там же).

По сообщению Д.И. Губина, Мамай, тесть свергнутого Сафа-Гирей-хана, и Юсуф, тесть нового Джан-Али-хана, кочевали «на летовище» близко Казани. Сююн-бике, дочь Юсуфа прислала к нему своего человека с сообщением, что Джан-Али ее не любит (как известно, у него была еще одна жена, брак с которой, вероятно, был заключен еще в Касимове). Юсуф отреагировал жестко. Он послал посла к казанским бекам с требованием сослать Джан-Али, а дочь отослать к себе.

Информация, передаваемая Д.И. Губиным, имела важное значение для русской дипломатии, но основную свою задачу привести ногайскую элиту к шерти посол так и не мог выполнить. Основным препятствием стало как нежелание бия шертовать, так и его невозможность созвать общий съезд (ПКСРНО, с. 146, 147, 151). Напряжение в отношениях бия с мирзами добавляло изъятие им поминков, посланных великокняжеским правительством. Для того, чтобы это оставалось в тайне, Саид-Ахмад приставил к Д.И. Губину теку-дувана. Бийский представитель пресекал контакты посла с посланцами мирз и пытался изъять грамоты, посланные к ним (ПКСРНО, с. 147). Саид-Ахмад-бий назначил общий съезд на 12 апреля, но на него прибыл только карачи Кудояр, с которого сняли опалу. Кудояру поручили вести переговоры с Д.И. Губиным. Саид-Ахмад подверг позицию Русского государства резкой критике за не конструктивность. Эту критику усилил Кудояр, отметив, что именно бояре воспрепятствовали исполнению требований бия (ПКСРНО, с. 147–148). Однако, возвращаясь от Саид-Ахмада в свой улус, Кудояр обвинил бия в препятствиях развитию русско-ногайских отношений (ПКСРНО, с. 149). После этого переговоры с Д.И. Губиным стали вести мулла Бузук и теку-дуван, которые продолжали традицию бия по обвинению Русского государства в не конструктивности (ПКСРНО, с. 150).

17 июля 1535 г. Саид-Ахмад пошел на Хаджи-Тархан, тогда же он принял решение отослать в Москву своего посла Исен-Али. Ночью того же дня прибыл гонец великого князя Джан-Пулад, сопровождавший ногайского посла Зиен-суфу кара-дувана. Гонца, не пустив к Д.И. Губину, обыскали. Обнаружив жалованье, задали ему вопрос: «Кому послано?». Джан-Пулад ответил, что теку-дувану, тот, в свою очередь, говорил «государевы речи», а Губину сообщил, что государево жалованье «дошло и яз де и покамест жив буду, по та места своему государю, великому князю служити хочю» (ПКСРНО, с. 152). Этот спектакль с обыском русского гонца, по всей видимости, был инспирирован самим теку-дуваном. Во всяком случае, это объясняет его откровенное признание в службе великому князю.

Саид-Ахмад-бий вызвал Д. И. Губина и Джан-Пулада на корныш. После прочтения грамоты бий отослал посла в его стан, оставил при себе Исен-Али и послал грамоту за Кудояром. Решение об отпуске Д. И. Губина Саид-Ахмад отложил до общего съезда мирз (ПКСРНО, с. 152).

Тем временем, Саид-Ахмад-бий выехал к Хаджи-Тархану, по образному определению Д.И. Губина, «славы дея». Он послал посольство в Хаджи-Тархан с требованием выдать выехавших туда ногайских мирз или примирить его с ними (ПКСРНО, с. 153).

В условиях ногайской угрозы хаджитарханский хан «шертию крепко» укрепился с ямгурчевичами и отослал посольством в Крымское ханство двух мирз «Агишевых детей». Сам бий так же оказался решительно настроен: назначил общий («всем кочем») поход на осень. Однако в среде ногаев сохранялось опасение, что если они не победят или хотя бы не замирятся, то где им зимовать «со все де стороны недрузи ногаем». Хаджитарханский посол Танабай-дуван часто («многжды») вел доверительные беседы с Д. И. Губиным, убеждая его, что хаджитарханский хан «с великим князем хочет жити дружно» (ПКСРНО, с. 153).

Д.И. Губин сообщал о возможных набегах мирз правого крыла на рязанские или мешчерские украинны (ПКСРНО, с. 147, 153). Так же он информировал о визите казанского посла Мухаммеда 1 августа 1535 г. с целью восстановления дружественных («как было преж сего») отношений (ПКСРНО, с. 154). 5 августа 1535 г. Саид-Ахмад-бий послал в Русское государство отослал своего гонца Исен-Али. Со слов теку-дувана стали известны обстоятельства его отправления. Бий отставил кандидатуру Исен-Али и принял решение отправить посольством карачи Кудояра вместе с Д.И. Губиным. Однако Исен-Али потребовал отправить в Москву именно его, так как он сможет добиться требуемых выплат. В противном случае он пригрозил бию отъехать от него со всей семьей. По мнению теку-дувана, бий уже готов снять требование выплат, если великокняжеское правительство проявит твердость. Ногайский чиновник предлагал задержать в Москве Исен-Али (ПКСРНО, с. 154).

В пользу такого мнения свидетельствовало и то, что карачи и «временники» требовали у Саид-Ахмада снять требование возвращения «Баракова грабежа». Сторонниками жесткой линии в переговорах по этому вопросу оставались только Алач и Бузюк-мулла, чье имущество пропало в результате ограбления каравана Барак-батыра (Там же).

24 сентября 1535 г. Исен-Али прибыл в Москву. Саид-Ахмад-бий продолжал требовать возвращения «Баракова грабежа» и «девятных поминок», по статусу полагавшихся ханам (ПКСРНО, с. 155–156). Бий настаивал на возмещении Исен-Али пропажи 17 коней. Высказывал претензии к касимовцам: в Мещере ногаи выкупили своего полоняника за коня, мешчеряки коня отдали, а пленника не отдали. Саид-Ахмад сообщал о поимке половины «Ямгурчевых детей» и предлагал (при желании великого князя) отослать их в Россию (ПКСРНО, с. 156). Это предложение, на мой взгляд, красноречиво свидетельствует о выдавливании Ямгурчевичей из политической жизни Ногайской Орды, так как в политической борьбе постзолотоордынские государства использовали наряду с физическим устранением противников, ссылку их в сопредельные страны (Моисеев, 2006, с. 484 – 485). Интересна приписка, выполненная на обороте бийского послания от имени Бучюк хафиза, Алача и теку-дувана. Они просили «поклон им приказать» в том случае, если великий князь своему «юрту добра» захочет (ПКСРНО, с. 156).

В грамоте Ходжи-Мухаммада-мирзы содержалось предложение конфликта с Русским государством. Он, со своей стороны, прекратит набеги, если тоже сделают касимовцы. Предлагал возобновление торговых отношений (ПКСРНО, с. 157–158).

7 октября 1535 г. в Москву вернулся гонец Джан-Пулад, привезший третью отписку от Д.И. Губина и сообщивший, что Саид-Ахмад отпустил русского посла на Родину (ПКСРНО, с. 158). Д.И. Губин писал о готовности мирз правого крыла к мирным отношениям с Русским государством, если только великокняжеское правительство прекратит агрессию касимовцев (ПКСРНО, с. 159).

25 августа 1535 г. на съезде мирз Саид-Ахмад вновь повторил свои имущественные требования к Русскому государству. Д.И. Губин вступил в дискуссию с ногайской стороной, но это ни к чему не привело. Саид-Ахмад соглашался на шертование только при выполнении своих требований. Д.И. Губин прибег к последнему средству пригрозив, что если бий отпустит его «без дела», то так же поступит и великий князь (ПКСРНО, с. 159–160). Однако бий остался непреклонен. Возвращаясь в стан, Д.И. Губин был обнадежен Кудояром и теку-дуваном, что Саид-Ахмад пришлет к нему своих представителей и они объявят о согласии его на московский вариант шерти (ПКСРНО, с. 160). Д. И. Губин вместе с Кудояром прождали день решения бия, рано по утру следующего дня кудояр поехал к Саид-Ахмаду выяснит о его решении. Вернувшись, он сообщил русскому послу, что бий остался на старых позициях и их надежды не оправдались. После этого послы двинулись в Русское государство. На обратной дороге их к себе пригласил Ходжи-Мухаммад-мирза. Он подчеркнул свою готовность к мирным отношениям с Москвой при условии прекращения нападений касимовцев (ПКСРНО, с. 160–161). Саид-Ахмад попытался отобрать у Д.И. Губина грамоты, посланные к Мамаю. Их должен был изъять теку-дуван и дать для переписки Бузюк-мулле, чтобы Мамай не знал о посланных к нему поминках, но Д.И. Губину удалось послания сохранить у себя (ПКСРНО, с. 162).

По описанию русского посла, ногайское посольство было внушительным. При этом состав их представляется разношерстным. Так, некоторых послов назначил сам Кудояр. Сами мирзы не знали кто поехал в Русское государство из ордобазарцев с торговыми целями, а так же для поиска пленников. Уже в дороге Д.И. Губин узнал от Богданки полоняника серебряного мастера об убийстве Джан-Али и возведении на престол власти в Казанском ханстве Сафа-Гирея. 29 сентября Губин отправил Богданку к великому князю (ПКСРНО, с. 162 – 163).

24 октября 1535 г. Д.И. Губин и ногайские послы прибыли в Москву. 23 ноября 1535 г. послов вызвали к великому князю (ПКСРНО, с. 164). Общие претензии ногайских аристократов были направлены против касимовских татар (ПКСРНО, с. 164, 165). Делался акцент на необходимости повышения как качественное так и количественное поминков, отсылаемых к ним для нормального развития русско-ногайских отношений (ПКСРНО, с. 164–165, 166, 167). 21 февраля 1536 г. начались переговоры с ногайскими послами. Ф.И. Карпов, М. Путятин и Ф. Мишуриин спросили Кудояра есть ли наказ «оприч грамот». Кудояр огласил готовность своего сюзерена быть в союзе с Русским государством против Крымского, Казанского ханств и Великого княжества Литовского при условии отсылки к нему поминков аналогичных поминкам крымского хана (ПКСРНО, с. 167–168). Ф.И. Карпов отметил, что бий не шертовал, а великий князь «дружбу не выкупает» (ПКСРНО, с. 168). Кудояр объяснял позицию бия тем, что русская сторона не вернула «Бараков грабеж», но теперь Саид-Ахмад готов на дружественные отношения с Москвой и при новом русском после обязательно шертует. Русские представители осведомились: готовы ли ногайские послы дать правду в том, что Саид-Ахмад в самом деле шертует в ходе нового русского посольства (ПКСРНО, с. 168).

Кудояр подтвердил эти намерения, потребовал прекратить нападения касимовцев и освободить плененных ногаев. Ф.И. Карпов принял претензии ногайской стороны. Пообещал казнить нападавших. Русские власти предупреждали ногаев, что они послали отряд касимовцев на Волгу «от Казанцев беречи», но если они пойдут под ногайские улусы, то призывали их казнить. Тех же из них после совершения преступлений вернется в Россию великокняжеское правительство обещало покарать (ПКСРНО, с. 169).

23 февраля 1536 г. шертная запись была прочитана перед ногайскими послами и те, одоббив ее, присягнули (ПКСРНО, с. 169–170). Русское правительство оставалось на своих позициях. Оно предлагало придать забвению дела происходившие при Василии III. Ввели требование безопасности следования русских купцов через степь, в случае нападения на них виновных казнить, а пленников и «грабеж» вернуть без откупа. При кочевании у границ Русского государства, на «украины» не нападать. Правительство Елены Глинской настаивало не брать с посла пошлин, это же требование распространялось и на русских купцов (ПКСРНО, с. 170–173). Учитывая ситуацию в орде, предполагалась возможность шертования Саид-Ахмад-бия одного, без мирз (ПКСРНО, с. 173).

Через два месяца после общеногайского посольства, возглавляемого карачи Кудояром, в Москву приехали послы от мирз правого крыла Ногайской Орды. Посольство прислали Кель-Мухаммад-мирза, Чемаш-мирза, Усек-мирза, Исмаил-мирза, Урак-мирза, Уразлы-мирза, Джан-мирза и крымский Баки-бек мангыт (ПКСРНО, с. 134–135). Послы, прибыв в Москву, не захотели стоять на одном дворе с бийским послом Кудояром, поэтому их разместили на Городецком дворе за Яузой (ПКСРНО, с. 135). Не смотря на то, что это посольство прибыло много позже бийского, на двор их вызвали 2 января 1536 г., тогда как после первого визита 23 ноября 1535 г. бийских послов держали без официальных переговоров до конца февраля 1536 г.

Общим местом грамот мирз стало подчеркивание дружественности к Русскому государству, готовность препятствовать нападениям Крымского ханства, ожидание от Москвы поминков (ПКСРНО, с. 135, 136, 137). Кель-Мухаммад-мирза обещал противодействовать не только крымцам и хаджитарханцам, но и сообщать об агрессивных намерениях ногайской аристократии (ПКСРНО, с. 136). Исмаил-мирза ограничивал союзные обязательства, отказываясь вступать в борьбу с Казанским ханством и Великим княжеством Литовским. Он же просил прислать к нему пушку и пушечника (ПКСРНО, с. 137).

Подобная позиция мирз правого крыла Ногайской Орды давно обратила на себя внимание историков. Анализируя русско-ногайские отношения, они пришли к выводу об особой роли этих мирз в дипломатических контактах (Перетяткович, 1877, с. 134, 143, 180; Шмидт, 1954, с. 212; Шмидт, 1977, с. 49; Шмидт, 1999, с. 120). Вместе с тем необходимо отметить, что выраженной геополитической ориентации западных мирз на Россию в 30-х гг. XVI века не было. Так, Исмаил-мирза исключал возможность участия в русско-казанском противостоянии. Легко заметить, что мирзы правого крыла были готовы противодействовать крымскому хану, но они и так находились в «стороже» от Крыма (ПКСРНО, с. 128, 133). При этом за эту службу ногаи ждали соответствующих поминок, при отсутствии их они намеривались напасть на русские украины (ПКСРНО, с. 137). Очевидно, что стимулом к сближению с Россией стала политика Саид-Ахмад-бия направленная на аккумуляцию всех поминок идущих из Москвы в своих руках (ПКСРНО, с. 124, 125, 127, 147, 162).

Это привело к отсутствию необходимых вещей у большинства ногайских мирз, особенно «молодых».

Интерес правительства Елены Глинской к группировке западных мирз диктовался не в последнюю очередь информацией о наличии у них агентов в Крымском ханстве и Хаджи-Тархане (ПКСРНО, с. 138). Ногайские мирзы брались оберегать русские украинны от крымцев по осень. Русские дипломаты высоко оценили эти предложения и к ним отправили посольством П.Д. Левского (ПКСРНО, с. 139). Дабы укрепить наметившийся союз подготовили шертную запись. Перед присягой послы попробовали получить с Русского государства денежные выплаты. По их словам, те мирзы, что кочевали по левому берегу Волги получали с Хаджи-Тархана 60 000 алтын, а с «московские земли» – 40 000 алтын. Если Русское государство готово к подобным выплатам, ногаи присягнут на шерти. Ф. И. Карпов «с товарищи» остался не преклонен: «Государь наш дружбы не выкупает...». Если будут мирзы держать к великому князю дружбу, то и он готов «поминки свои посылати». Этот ответ вполне удовлетворил послов и они, прочитав шертную запись, одобрили ее и присягнули (ПКСРНО, с. 139–140).

Шертная запись базировалась на антикрымских предложениях ногайских мирз (ПКСРНО, с. 140). Развитием стали пункты об освобождении русского полона захваченного крымцами и возвращение его в Русское государство (ПКСРНО, с. 140–141), не нападении их самих на русские украинны. По прибытии к мирзам П. Д. Левского ожидалось их шертование (ПКСРНО, с. 141).

9 февраля 1536 г. послы покинули Москву. В грамотах ногайских мирз призывали к шертованию (ПКСРНО, с. 142). Перед русским послом стояла у мирз задача избегать любых обязательств, ссылаясь на то, что «государево слово моей правды боле» (ПКСРНО, с. 144). С П. Д. Левским к мирзам отправили две станицы служилых татар, после того как его отпустят, то одну – следовало оставить у мирз «для вестей» (ПКСРНО, с. 145).

Успех переговоров с мирзами западного крыла Ногайской Орды, отчетливое представление об оппозиции политике бия позволили русскому правительству более резко противостоять требованиям Саид-Ахмад-бия. 26 февраля 1536 г. к бию в Ногайскую Орду отправили Н. С. Волошенина. В грамоте Саид-Ахмаду содержалось требование прекратить свои не обоснованные претензии (ПКСРНО, с. 173). Общим местом всех посланий к ногайской аристократии явился призыв шертовать, свободной торговли (ПКСРНО, с. 174, 175–176). Русские власти обещали Саид-Ахмад-бию разыскать пленных ногаев и отпустить (ПКСРНО, с. 174).

Н.С. Волошенину предписывалось пошлин никаких не давать, настаивать на шертовании (ПКСРНО, с. 177, 178). В наиболее болезненном вопросе русско-ногайских отношений – «мещерском» – посол от имени Русского государства обещал безопасность (ПКСРНО, с. 178). Вопрос о поминках однозначно увязывался с процессом шертования ногаев (ПКСРНО, с. 179).

Таким образом, к началу 1536 г. русской дипломатии в целом удалось преломить неприятную для себя тенденцию в русско-ногайских отношениях. Благодаря информации, полученной от Д.И. Губина, в Москве имели отчетливое представление о положении дел в Ногайской Орде. Политику бия, направленную на конфронтацию с Русским государством, не поддерживало большинство мирз, племенной аристократии и дворцового аппарата орды. Искусственное затягивание переговорного процесса начало раздражать их, и от молчаливого противодействия этой политики они перешли к открытому возмущению. Очевидным успехом стали инициативы мирз правого крыла Ногайской Орды и, хотя говорить о геополитической ориентации их на Россию еще преждевременно, стягивание этих мирз в орбиту русской внешней политики было заметно.

Необходимо отметить, что правительство Елены Глинской надеялось не только на дипломатические мероприятия по организации безопасности русских границ. В наиболее критических районах проводилась систематическая градостроительная политика. В этом контексте происходило строительство городов в Мещере. В декабре 1535 г. было велено поставить «град древян» на р. Мокше в месте называемой Рунза. Постройка объяснялась тем, что «в тех местех несть градов близу». Строительство закончили 27 марта 1536 г. (ПСРЛ, т. 13, с. 105). В конце марта 1536 г. из Москвы приказали переставить Темников «на иное место» на р. Мокше, так как старый город оказался «мал и некрепок». Перенос и перестройка Темникова завершены 2 августа 1536 г. (ПСРЛ, т. 13, с. 109, 110).

25 августа 1536 г. в Москву из Ногайской Орды вернулся гонец Джан-Пулад вместе с послами от мирз западного крыла (ПКСРНО, с. 183). Главой посольства выступил ордобазарец Ян-Сары (Джан-Сары?). Он жаловался на грабеж казанцев (ПКСРНО, с. 183, 184). В посланиях Кель-Мухаммад-мирзы, Урак-мирзы и Джан-мирзы содержались заверения в искренней дружбе с Рус-

ским государством (ПКСРНО, с. 184, 185, 187). Урак-мирза объявлял казанского хана извечным недругом ногаев (ПКСРНО, с. 186). Сохранялись претензии к деятельности касимовцев в степи. Мирзы требовали освободить захваченных ими 60 человек (ПКСРНО, с. 184, 186, 187). Кель-Мухаммад подтверждал готовность мирз западного крыла противостоять крымцам при их нападении на русские границы (ПКСРНО, с. 184). Урак-мирза брал на себя роль осведомителя Русского государства о тайных планах верхушки Ногайской Орды (ПКСРНО, с. 185). Он же настаивал на свободной торговле с Россией, а так же на адресных (к каждому мирзе) посольствах (ПКСРНО, с. 185–186).

16 октября 1536 г. послы Кель-Мухаммада и других мирз приглашены на двор. Мед им подавали в серебряных ковшах, тогда же состоялась церемония отпуска послов на Родину. С ними направлялся гонец Р. Еманов «с товарищы» (ПКСРНО, с. 187). Требование освобождения 60 пленников не нашло поддержки у правительства Елены Глинской. Дипломаты отмечали, что они напали на русские земли и поэтому выдаче не подлежат (ПКСРНО, с. 188–189). Р. Еманов вез и «опасную» грамоту Черкес-беку казанскому, укrywшемуся у мирз правого крыла Ногайской Орды после переворота в Казани (ПКСРНО, с. 189).

20 ноября 1536 г. в Москву вернулся П. Д. Левский с послами от Кель-Мухаммада и мирз (ПКСРНО, с. 189, 190). Тон посланий на этот раз отличался резкостью. Мирзы негодовали отказом русских властей в освобождении 60 пленников, недостойными поминками (ПКСРНО, с. 190, 191, 192). Это посольство, по образному выражению Кель-Мухаммад-мирзы, пришло «правды твоей отведати» (ПКСРНО, с. 190). Он отмечал, казанский хан постоянно присылает к ним послов, чтобы они пошли войной на Москву. В случае присылки достойных поминок, Кель-Мухаммад обещал не оказывать помощи Казани и беречь от Крыма. Он отмечал, что, стремясь к честным отношениям с Русским государством, напал на казанских купцов и послал Джан-мирзу с отрядом в 1 000 человек под Крымское ханство (ПКСРНО, с. 190–191).

3 января 1537 г. Н. С. Волошенинов вернулся из Ногайской Орды, его сопровождали послы от Саид-Ахмад-бия и мирз. Бий, по сообщению Н.С. Волошенина, продолжил политику по затягиванию переговорного процесса (ПКСРНО, с. 192). 26 января 1537 г. послы прибыли в Москву, 23 февраля 1537 г. после совещания бояр с великим князем Иваном IV, приняли решение о возвращении к старой церемонии встречи послов. Саид-Ахмад-бий требовал от Ивана Васильевича признать его себе «государем и братом» (ПКСРНО, с. 193).

Послы пробыли в Москве до июня 1537 г., в связи с задержкой, вызванной с «поиманием» князя Андрея Ивановича Старицкого. 19 июня 1537 г. послы были собраны на дворе. Ф.И. Карпов выступил с программной речью. Претензии Саид-Ахмада решительно дезавуировались. «И нам государь един Бог, а братья нам – турецкой салтан и иные цари» (ПКСРНО, с. 194), – заявил дипломат. С одной стороны, это очевидная манифестация суверенности Русского государства, с другой – это заявление свидетельствует о качественных изменениях, происшедших в представлениях о месте Москвы в постзолотоордынском мире. Русские идеологи решительно отказывались от тождества великих князей и улуг биев (эке нойонов), сложившегося во время ига (Селезнев, 2004, с. 15). Отныне московские великие князья равны царям, при чем позиционировалось равенство в первую очередь турецким султанам, вес и значение которых в мусульманском мире были общеприняты. То есть можно говорить, что русская политическая мысль выходила из золотоордынского политического понятийного поля и оперировала более «общими» категориями.

25 июня 1537 г. ногайские послы Кель-Мухаммед-мирзы и Саид-Ахмед-бия и мирз отправились домой, с ними к Саид-Ахмед-бию поехали гонцы, возглавляемые Девлет-ходжи (ПКСРНО, с. 195). Русские дипломаты требовали прекратить «безлепицу» более не писать, вопрос с поминками увязывался с шертованием (ПКСРНО, с. 196, 198). Предлагалось произвести обмен пленными (ПКСРНО, с. 197, 198).

19 октября 1537 г. в Москву прибыло посольство от Саид-Ахмед-бия и мирз (ПКСРНО, с. 199). Бий сообщал о структурных изменениях в орде. В «царево место» Саид-Ахмед определял себя, калгой назначили Шейх-Мамай, беклярбеком – Хаджи-Мухаммеда, преемником его определили сначала Мамай, но тот отказался из-за гнева на Русское государство. Тогда его место получил Юсуф-мирза (ПКСРНО, с. 200; Трепавлов, 2002, с. 190–191). Под эти изменения Саид-Ахмед потребовал соответствующие выплаты. Так ханские поминки («хан болек») причитались ему, те, что шли Бахадыр-султану (сын Мухаммед-Гирей-хана, погибший в Хаджи-Тархане в 1522 г.) – Шейх-Мамаю, то же предполагалось и для Хаджи-Мухаммеда. Мамаю полагалась «нурадинова пошлина» (ПКСРНО, с. 200). Бий требовал скорейшего освобождения пленников и не держать послов бо-

лее 10 дней, мирзы присоединились к этим положениям (ПКСРНО, с. 200, 201). Юсуф-мирза общал о своем успешном походе на казахов (ПКСРНО, с. 202). Урак-мирза подчеркивал, что он выполняет союзные обязательства: не позволяет нападать на русские украинцы, однако мешеряне набеги не прекратили (ПКСРНО, с. 203). «Молодые» мирзы подчеркивали объединения «старшей братьи» (ПКСРНО, с. 202, 203), на общем съезде бий, мирзы, карачи и беки решили придерживаться союза с Русским государством (ПКСРНО, с. 202, 203, 205). Основой союза стало желание получить поминки от русских властей (ПКСРНО, с. 202). Саид-Ахмад-бий для легитимации своего положения возвел на ханский престол в Ногайской Орде Хан-Пулад-султана (ПКСРНО, с. 205), по, весьма вероятной интерпретации В.В. Трепавлова, это казахский султан Хакк-Назар (Трепавлов, 2002, с. 191–192).

Таким образом, к сентябрю 1537 г. в Ногайской Орде положение Саид-Ахмед-бия упрочилось. Ногайская племенная элита приняла нововведения своего бия. Новая структура определила властные полномочия ведущих мирз. Это единение отразилось и на русско-ногайских отношениях: ногаи готовы к союзу с Москвой, но в обмен требуют поминки. Однако, Кель-Мухаммад-мирза и Урак-мирза – лидеры правого крыла орды – готовы препятствовать агрессивным намерениям своих соплеменников.

27 ноября 1537 г. русские гонцы из Крыма сообщили, что Баки-бек мангыт убил Ислам-Гирея, жен и улус его захватил. Среди захваченных оказался и московский беглец, известный авантюрист князь С. Бельский¹ (ПКСРНО, с. 205–206). В связи с полученной информацией правительство задержало ногайских послов, отпустили только послов Ходжи-Мухаммада и Баки-бека мангыта. С ним отправили гонцов во главе К. Кудинова 12 декабря 1537 г. (ПКСРНО, с. 206).

Русское правительство просило у Баки-бека С. Бельского на откуп, Ходжи-Мухаммаду предлагали выступить в этой операции посредником (ПКСРНО, с. 206–207).

22 июня 1538 г. К. Кудинов вернулся вместе с послами от Хаджи-Мухаммеда, Баки-бека и других мирз (ПКСРНО, с. 207). Хаджи-Мухаммед и Баки сообщали о включении в процесс выкупа князя С. Бельского черкасского князя, крымского хана Сахиб-Гирея и кафинского санджак-бея Ахмад-паши (ПКСРНО, с. 208, 209–210). Хаджи-Мухаммед-мирзе удалось убедить Баки-бека отдать Бельского русским за цену черкасского князя. В изложении Баки цена эта состояла из 4 панцирей с полным доспехом, 10 шуб горлатных, 2 шубы горностаенных с атласом, 10 шапок черных, 4 шапки красные, 2 шубы «хребтовые белы», 2 – собольи, 3 – куньи, 15 сукон ипских, 5 поставов сукон, 5 кадей меду, 5 седел «с уздами и с похвьями и с паперсинами», 11 паробков и 100 «копья литовских грошей» (ПКСРНО, с. 209).

Кель-Мухаммед-мирза выдвинул претензии к Русскому государству в нарушении шерти (ПКСРНО, с. 210). Он требовал вернуть украденное имущество и освободить пленных (ПКСРНО, с. 211). Сообщал, что возглавлял поход Баки-бека на Исмаил-Гирея (ПКСРНО, с. 210).

27 июня 1538 г. послов собрали на дворе. Переговоры касались вопроса о выкупе князя С. Бельского. Послы Хаджи-Мухаммеда-мирзы и Баки-бека присоединились к требованиям Кель-Мухаммеда освободить пленных ногаев. Русская сторона согласилась с этими претензиями (ПКСРНО, с. 211). 9 июля 1538 г. на двор вызвали посла Хаджи-Мухаммед-мирзы, после непродолжительной встречи с великим князем, он прошел на Казенный двор. Там его встретили Ф.И. Карпов и М. Путятин. Они выдали 39 пленников и пообещали выдать еще, если найдут (ПКСРНО, с. 211–212).

В июне 1538 г. состоялись переговоры с Кудояром. Вели их по-прежнему Ф.И. Карпов и дьяки М. Путятин и Ф. Мишурин (ПКСРНО, с. 212). Требование бием и его окружения «крымских поминков» русские переговорщики решительно отвели. Они заметили, что позиция Саид-Ахмед-бия мало согласуется с его же предложениями союза. В вопросе получения ногаями поминков русские дипломаты вводили принцип службы, что сближало их с жалованьем. Отношения предлагалось вести на принципах, имевших место при Василии III. В Ногайскую Орду к бию отправлен посланник Я. А. Кашинцев (ПКСРНО, с. 213). В грамотах бию и мирзам содержалось недвусмысленное требование прекратить взыскивать «крымские поминки» (ПКСРНО, с. 214, 215). Русская сторона обещала продолжить розыск пленных и возвратить их на Родину, требовала обеспечить безопасность своего посла (ПКСРНО, с. 215).

¹ Подробнее о князе С.Ф. Бельском, см.: Кром, 2000, с. 98–115; Зайцев, 2005, с. 298–317; Ерусалимский, 2011, с. 191–192, 339–340, 350, 352.

Я.А. Кашинцев в Ногайской Орде должен был подтвердить решительность мер, предпринимаемых для защиты ногаев от касимовцев. В случае их нападения на ногайские кочевья, великокняжеское правительство призывало давать им вооруженный отпор. Договор о защите ногаев от касимовцев предполагалось заключить в Москве после возвращения Я.А. Кашинцева и больших ногайских послов (ПКСРНО, с. 217–218).

В орде Я.А. Кашинцев должен выяснять перекочевку и зимовки ногаев. Отношения их с Казанью, Хаджи-Тарханом, Крымом и Казахским ханством. Готовят ли ногаи поход на казахов (ПКСРНО, с. 221).

21 июля 1538 г. послам Хаджи-Мухаммеда, Баки-бека и Исмаила объявлено об отправке к их господам послом И.Г. Выродкова. 25 июля 1538 г. послу Мамайя сообщили об отправлении с ним посла Шемета Мотякина (ПКСРНО, с. 222).

Перед И.Г. Выродковым стояла задача подтвердить дружественность русского правительства по отношению к мирзам правого крыла Ногайской Орды. Он должен сообщить ногаям, что выкуп доставит А. С. Упин в Елатьму, где по плану московских властей прошла бы процедура выкупа князя С. Бельского (ПКСРНО, с. 223, 225). Согласившись с предлагаемым выкупом, в Москве отказались от включения в него 11 человек, в связи с недопустимостью дачи христиан в откуп (ПКСРНО, с. 226).

В грамоте к Хаджи-Мухаммеду упоминается его запрос о помощи в постройке города на «Бобекове селище». Он просил прислать к нему 100 «топорщиков», 10 пищальников и некоего доброго человека. Правительство Елены Глинской тактично отказало в помощи, сославшись на невозможность сейчас прислать людей. Однако, подчеркнуло свою готовность помочь в будущем (ПКСРНО, с. 227). Этот момент демонстрирует маскируемое нежелание русских оказать помощь в степном градостроительстве, что можно объяснить заинтересованностью в союзе с мирзами правого крыла. Так, Хаджи-Мухаммед предлагал в случае войны Русского государства с Крымским ханством и Великим княжеством Литовским послать на крымцев 20 000 человек под командованием Алимирзы (ПКСРНО, с. 227).

Исмаил-мирзе отводилась роль посредника в процессе выкупа князя С. Бельского, его же просили освободить сына подьячего К. Лобанова – Андрея (ПКСРНО, с. 229, 230). Самым напряженным аспектом в русско-ногайских отношениях стали столкновения кочевников со степняками. Русское правительство решительно отметало обвинения Кель-Мухаммад-мирзы в «поруке шерти», сводя все инциденты к частным преступным инициативам. Дипломаты намерено расширили список участников нападений. Среди них казанцы, азовцы, крымцы и «иные баловни казаки» с которыми смешивались касимовцы. «На лихо их никто не учит», а после набегов они разъезжаются по своим землям (ПКСРНО, с. 23–231). Вместе с тем русское правительство продемонстрировало свою решительность в вопросе наведения порядка на пограничье. Было оглашено начало розыска в Касимове, по итогам, которого виновные должны понести суровое наказание, а пленные ногаи вернуться на Родину (ПКСРНО, с. 231).

К сожалению, на этом посольская книга обрывается, и дальнейший ход русско-ногайских отношений восстанавливается на весьма скудных летописных сведениях. 28 августа 1538 г. вернулся из Ногайской Орды Я. А. Кашинцев, его сопровождали послы Саид-Ахмед-бия, Хаджи-Мухаммед-мирзы и других мирз. Согласно летописи ногайские послы просили великого князя «учинить» Саид-Ахмеда с собою в дружбе, а так же они добивались разрешения на торговлю (ПСРЛ, т. 13, с. 125). 6 мая 1539 г. вернулся от Хаджи-Мухаммед-мирзы И.Г. Выродков, который должен был выкупить князя С. Бельского, однако, его миссия оказалась безуспешной (ПСРЛ, т. 13, с. 128–129). Осенью 1539 г. в Москву прибыли послы от мирз правого крыла Ногайской Орды, в марте 1540 г. прибыли послы от Саид-Ахмед-бия и мирз. Они били челом от своих господ, что бы «князь великий их жаловал и дружбу свою к ним держал» (ПСРЛ, т. 13, с. 130, 131). Отношения поддерживались и дальше. В мае 1540 г. пришли послы от Кель-Мухаммед-мирзы, в ноябре 1540 г. прибыли послы от Хаджи-Мухаммед-мирзы и сообщали о намерении его «великому князю служить прямо» (ПСРЛ, т. 13, с. 132, 134). 24 ноября приехали послы от Саид-Ахмед-бия и мирз. Предметом переговоров, по сообщению летописи, вновь стало желание ногаев, что бы русские власти держали к ним дружбу, так же как это было при Василии III (ПСРЛ, т. 13, с. 134–135).

Однако умиротворенности в русско-ногайских отношениях не было. В декабре 1540 г. ногайские отряды приняли участие в походе Сафа-Гирей-хана на Муром. Шах-Али в Мещере «обезвредил» ногайских загонщиков (ПСРЛ, т. 13, с. 135). Впрочем, эти события не привели к разрыву в отношениях с ногаями. В феврале 1541 г. к Саид-Ахмед-бию отправился русский посол П. Д. Тур-

генов, вероятно, он должен был привести ногаев к шерти (ПСРЛ, т. 13, с. 135–136). В мае 1541 г. в Москву прибыли послы от мирз правого крыла Ногайской Орды, летопись упоминает только о торговых целях этого посольства (ПСРЛ, т. 13, с. 137).

В июле 1541 г. на Русское государство совершил провальный поход крымский хан (ПСРЛ, т. 13, с. 137–139), участие в нем принимали и ногаи (ПСРЛ, т. 14, с. 137, 138). Однако представлять этот поход как единый фронт «всех татарских улусов», а также Турции (Каргалов, 1998, 245) нельзя. Участие в походе принял крымский мангыт Баки-бек, одно время проживавший в Ногайской Орде, с ним, по русским данным, прибыли ногаи, но упоминаний о деятельности собственно ногайских мирз мы не находим. По всей видимости, ногайская элита отнеслась с равнодушием к предприятию Сахиб-Гирей-хана. Уже в сентябре 1541 г. в Москве было посольство от мирз правого крыла Ногайской Орды. Они просили великого князя быть с ними в крепкой дружбе, а в ноябре 1541 г. новое ногайское посольство сообщило об изменении власти в орде: на ногайский престол взошел Шейх-Мамай-мирза (ПСРЛ, т. 13, с. 140). Это оказалось последним известием о русско-ногайских отношениях до 1548 г.

В изучаемый период русско-ногайские отношения характеризовались борьбой вокруг статуса Ногайской Орды. Саид-Ахмед-бий решительно отказался от традиции вассалитета ногайской аристократии перед московским великим князем. Эта политика опиралась на внутривнутриполитическом кризисе в Русском государстве, связанном с фактом малолетства Ивана IV. Правительство Елены Глинской последовательно отвергало попытки ногайской дипломатии утвердить новое понимание русско-ногайских отношений. Камнем преткновения стал процесс шертования. Ногаи требовали признать бия «отцом» русскому князю, возместить убытки понесенные ими при Василии III, а также увеличить количество «поминков» и даже объявили свои претензии на ордынский «выход». При удовлетворении своих требований ногаи были готовы шертовать Ивану IV. Русская дипломатия в лице сподвижников покойного великого князя Василия III Ф.И. Карпова и дьяков М. Путятина и Ф. Мишурина решительно воспротивилась такому нажиму ногайской знати. Главным контрдоводом стало последовательное указывание ногайскому бию на его место в международной иерархии. В процессе шертования русские власти усматривали необходимый момент для положительного развития русско-ногайских отношений, подчеркивая, что великий князь «дружбу не выкупает». Большую роль в противостоянии политике Саид-Ахмед-бия сыграла информированность русского внешнеполитического истеблишмента о реальном положении дел в Ногайской Орде. В этой связи необходимо отметить миссию русского посланника Д.И. Губина, который смог наладить бесперебойное снабжение оперативной информацией московских дипломатов. Благодаря его деятельности, в Москве своевременно узнали о наличии серьезной оппозиции политике Саид-Ахмеда в самой Ногайской Орде, в расчете на которую московская дипломатия и строила свою политику, направленную на дезавуирование притязаний бия.

В это время проявилась и зависимость геополитической ориентации ногайских мирз от территорий кочевания. Так, мирзы западного крыла Ногайской Орды изъявили желание на приоритетные отношения с Россией. В обмен на это они были готовы противодействовать антирусским действиям Крымского ханства и своего бия. Однако говорить об ориентации на Русское государство преждевременно. Так как, именно эти мирзы являлись основной движущей силой антимосковской борьбы за Казань. Вместе с тем, интерес мирз западного крыла к развитию дружественных отношений с Россией позволил великокняжеским дипломатам более решительно противостоять притязаниям Саид-Ахмед-бия.

Существенным моментом, осложнявшим русско-ногайских отношений, стала затянувшаяся вражда ногаев и касимовцев, сопровождавшаяся взаимными нападениями. Для преодоления кризиса отношений московские власти предприняли последовательные действия направленные на оздоровление обстановки на степном фронтире. Эта политика состояла из двух основных моментов. Во-первых, русские власти освобождали пленных ногаев и приказывали касимовцам не тревожить ногайские кочевья. В результате, правительство Е. Глинской решило произвести розыск в самом Касимове для освобождения пленных ногаев и наказания виновных. Во-вторых, в Мещере – месте нападений ногаев – было развернуто активное градостроительство.

Дипломатия правительства Елены Глинской смогла достичь сохранения итогов русско-ногайских отношений конца XV – 1-ой трети XVI веков. Одновременно сложились условия активизации своей политики в Поволжье, основанные на заинтересованности мирз правого крыла Ногайской Орды в союзных отношениях с Москвой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимушкин О.Ф. К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства с узбеками и казахами в 30-е годы XVI в. – 60-е годы XVII в. // Акимушкин О. Ф. Средневековый Иран. Культура. История. Филология. Спб.: «Наука», 2004.
2. Беляков А.В., Моисеев М.В. Сююн-бике: из ногайских степей в касимовские царицы // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Сборник научных трудов. Рязань, 2004. Т. 5.
3. Ерусалимский К.Ю. Московиты в Польско-Литовском государстве второй половины XVI – начала XVII в. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. М., 2011.
4. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004.
5. Зайцев И.В. «Позабыв Бога и наше жалование, и свою душу...» (Приключения князя Семена Федоровича Бельского) // Ad Fontem / У источника: Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005.
6. Каргалов В.В. На границах Руси стоять крепко! Великая Русь и Дикое поле. Противостояние XIII–XVIII вв. М.: «Русская панорама», 1998.
7. Кром М.М. Политический кризис 30–40-х годов XVI века (Постановка проблемы) // Отечественная история, 1998, № 5.
8. Кром М.М. Судьба авантюриста: князь Семен Федорович Бельский // Очерки феодальной России. М., 2000. Вып. 4.
9. Моисеев М.В. Выезд татар и восточная политика России в XVI веке // Иноземцы в России в XV–XVII веках. М., 2006.
10. Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877.
11. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала, 1995.
12. Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 13.
13. РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 1.
14. Селезнев Ю. В. Социально-политическая иерархия Золотой Орды и система титулований на Руси в XIII–XIV веках // Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Нашествие Батые и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII веков. Воронеж, 2004.
15. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2002.
16. Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549) // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 6. М., 1954.
17. Шмидт С.О. Восточная политика Российского государства в середине XVI века и казанская война // 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России. Труды Чувашского НИИ. Вып. 71. Чебоксары, 1977.
18. Шмидт С.О. Восточная политика России накануне «Казанского взятия» // Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М.: «Наука», 1999.

Список сокращений

- ПКСРНО – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой.
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

М.В. Моисеев

ЕЛЕНА ГЛИНСКАЯ И БОЯРЛАР ИДАРӘСЕ ЗАМАНЫНДА РОССИЯНЕҢ
НУГАЙ УРДАСЫ БЕЛӘН МӨНӘСӘБӘТЛӘРЕ (1534–1541 ЕЛЛАР)

Мәкалә Рус дәүләтендә кризис вакытында рус-нугай мөнәсәбәтләре барышын яктыртуга багышланган. Сәед Әхмәт бинең кечкенә яшьтәге бөек кенәз Иван IV даирәсеннән үзен Кырым ханнары белән бертигез икәнән раслатырга тырышуы күрсәтелә. Ләкин рус дипломатиясе рус-нугай мөнәсәбәтләрендә үзе өчен кайбер тискәре тенденцияләргә жинүгә ирешә. Бер үк вакытта нугай морзаларының геополитик ориентацияләренә күчәнү жирләренә бәйлеләге ачыклана. Әйтик, Нугай Урдасының көнбатыш канаты морзалары Россия белән мөнәсәбәтләргә өстенлекле итү теләген белдерәләр. Алар алмашка Кырым ханлыгының һәм биләрнең русларга каршы эшчәнлегенә каршылык күрсәтергә эзер булуларын әйтәләр. Ләкин аларның Рус дәүләтенә йөз тотуы турында сөйләргә әле иртәрәк. Шуңа күрә вакытта Нугай Урдасының көнбатыш канаты морзалары Россия белән дустанә мөнәсәбәтләргә үстерүгә кызыксынуы бөек кенәз дипломатларына Сәед Әхмәт бинең таләпләренә кыюрак каршы торырга мөмкинлек бирә. Бу эшнең төп нәтижәсе булып Елена Глинская хөкүмәте һәм боярлар идарәсе дипломатиясенә XV гасыр – XVI йөзгә беренче өч дистә елында рус-нугай мөнәсәбәтләрендә ирешелгән нәтижеләрне саклап калуы тора. Бер үк вакытта Нугай Урдасының көнбатыш канаты морзаларының Мәскәү белән союздаш мөнәсәбәтләр урташтырудагы кызыксынуы аңа Идел буенда сәясәттен активлаштыру өчен шартлар тудыра.

Ачыкч сүзләр: рус-нугай мөнәсәбәтләре, Россиянең көнчыгыш сәясәте, «бүләкләр», ант, кенәз Семен Бельский, ант бирү грамоталары, Касыйм, касыйм татарлары, мецера казаклары, әсирләр.

M.V. Moiseev**RELATIONSHIP OF RUSSIA WITH THE NOGAI HORDE IN YEARS
OF ELENA GLINSKAYA'S REGENCY AND BOYARS BOARD (1534 - 1541)**

The article is devoted to the history of Russian-Nogai relations period of political crisis in the Russian state. Shown as by Said-Ahmad tried to make the environment a minor Grand Duke Ivan IV recognition of their equality with the Crimean khans. However, the Russian diplomacy of that time, has successfully overcome a number of negative trends in the Russian-Nogai relations. At this time seen and the dependence of the geopolitical orientation of the Nogai Mirzes from the territories of nomadism. So, western Mirzes the West wing of the Nogai Horde have expressed a desire for priority relations with Russia. In exchange, they were willing to oppose the anti-Russian actions of the Crimean khanate and its beating. But to talk about the orientation of the Russian state prematurely. However, the interest Mirzes the «West wing» to the development of friendly relations with Russia has allowed the Grand diplomats more determined to resist the claims of Said-Ahmed-Bey. The main conclusion was that the diplomacy of the government Helena Glinskaya and seigniorial period, the Board was able to achieve conservation outcomes of the Russian-Nogai relations in the late XV – the 1st third of the XVI centuries. At the same time has created an environment intensify its policy in the Volga region, is based on the interest mirzes the right wing of the Nogai Horde in the Union's relations with Moscow.

Keywords: Russian-Nogai relations, eastern policy of Russia, «pominki», shart, duke Semen Belsky, charters of shart, Kasimov, kasimovs tatar, meshersky kossaks.

Сведения об авторе:

Моисеев Максим Владимирович – кандидат исторических наук, зав. сектором ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы», отдел «Музей Археологии Москвы» (г.Москва); E-mail: maksimmoiseev@yandex.ru

Моисеев Максим Владимирович – тарих фәннәре кандидаты, Мәскәүнең ДБМО «Музей Москвы» музей берләшмәсе» сектор мөдире, «Мәскәү археологиясе музей» бүлгә (Мәскәү шәһәре).

Moiseev Maksim Vladimirovich – Cand. Sci. (History), Head of sector Moscow city museum, Museum of archeology of Moscow (Moscow).